

РЕЦЕНЗИИ

УДК 93 (0)
DOI 10.37493/2409-1030.2021.3.22

А. П. Беликов

Книга о забытом учёном [Рец. на: Казаров С. С. Профессор Ростовского Педагогического института Алексей Иванович Иванов: жизнь и творчество. Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2019. – 96 с.]

Alexandr Belikov

A Book about the Forgotten Scientist [Review: Kazarov S.S. Professor of the Rostov Pedagogical Institute Alexey Ivanovich Ivanov: life and work. Rostov-on-Don; Taganrog: Publishing House of the Southern Federal University, 2019. - 96 p.]

Характерной особенностью последних десятилетий стал интерес к незаслуженно забытым учёным прошлого века. Творчество таких исследователей пришлось на драматические переломные моменты в жизни страны. Две революции 1917 г., последовавшая за ними Гражданская война, разруха, ломка всей жизни и её устоявшегося уклада. Затем – репрессии, Великая Отечественная война, восстановление экономики, бытовые лишения, тяготы, и относительно недолгий «благополучный» период конца 1960-х-середины 1980-х гг. Все эти пертурбации роковым образом отразились не только на быте и повседневности многих перспективных учёных, но и на их научном творчестве, когда они либо совсем отстранялись от науки, либо вынуждены были резко менять сферу своей научной деятельности.

Сколько талантливых людей тогда погибло, и сколько не состоялось научных открытий и написанных хороших книг – мы никогда уже так и не узнаем. Нелегко приходилось и тем, кто сумел уцелеть в эту сложную эпоху. Один из таких учёных – Алексей Иванович Иванов (1890 – 1976), вклад которого в византинистику, на наш взгляд, до сих пор не оценен в должной мере.

Рецензируемая монография состоит из Введения («К истории одного поиска. Вместо Введения»), четырёх глав, Заключение, скромного Списка литературы об учёном, и значительно более пространного списка трудов самого А. И. Иванова, и двух качественно выполненных фотографий.

«К истории одного поиска. Вместо Введения» [1, с. 4-6] – автор рассказывает, почему у него возник интерес к А.И. Иванову, о котором он первоначально получил взаимоисключающую информацию от тех, кто лично общался с этим человеком.

Именно это и побудило С.С. Казарова предпринять собственное объективное и беспристрастное исследование жизненного пути заведующего кафедрой Всеобщей истории Ростовского педагогического института в предвоенный период.

Работа над этой небольшой, но насыщенной фактами и аналитикой монографией затянулась на несколько лет. И прежде всего потому, что публикаций о жизни А. И. Иванова оказалось слишком мало, а к тому же все они лишены какого бы то ни было историографического анализа его научного наследия. Эту задачу пришлось взять на себя самому автору книги, что потребовало тщательного изучения всех работ заинтересовавшего его учёного. Недостаток информации о личности самого Иванова потребовал общения с людьми, которые могли поведать хоть что-то важное об этом: его коллегами, учениками, знакомыми. Так был налажен сначала письменный контакт и с Ксенией Михайловной Антич, урождённой Миллер, дочерью известного археолога М. А. Миллера (1889–1968), работавшего в своё время в Ростовском педагогическом институте. Из этого «порой трудного общения с ней» [1, с. 4], начавшегося с острой полемики, а закончившегося дружескими отношениями, когда во время туристической поездки в Германию С. С. Казаров специально посетил Мюнхен для личной встречи с ней – стал вырисовываться совсем другой образ будущего героя книги. И стали понятнее побудительные мотивы некоторых его поступков.

Следующая сложность заключалась в том, что без архивных документов невозможен жанр «научной биографии» [1, с. 5], избранный автором. И ему, помимо всего прочего, удалось поработать не только в Архиве Санкт-Петербургской Духов-

ной Академии (АСПБДА), но и в архиве УФСБ по Ростовской области – без чего эта книга просто не могла бы состояться.

В лучших традициях отечественной историографии, этот раздел книги заканчивается словами глубокой благодарности автора всем тем, кто помог её появлению на свет [1, с. 5–6].

Глава I «Годы учения. Первые шаги в науке» [1, с. 7–8] довольно кратко охватывает период до 1921 г. Родившийся в 1890 г. в селе Смердово Ивановской области (здесь мы вынуждены отметить, что такой области тогда не было), Алексей Иванович Иванов в 1905 г. окончил Шуйское Духовное училище первым учеником. А в 1911 г. – уже Владимирскую Духовную семинарию, так же первым учеником.

В 1915 г. он окончил Петроградскую Духовную академию первым магистрантом, и был оставлен при Академии на два года стипендиатом для подготовки магистерской диссертации [1, с. 7]. Даже этот краткий перечень ступеней образования будущего учёного многое о нём говорит: несомненные способности, усидчивость, глубокие знания, что отмечено и в характеристике, выданной ему после окончания Владимирской Духовной семинарии. Он в совершенстве владел древнегреческим, латынью, немецким и французскими языками. Будучи ещё студентом Петроградской Духовной академии, он прошёл стажировку в Константинопольском Археологическом институте, который являлся признанным центром византистики.

Наряду с духовным, А. И. Иванов получил и светское образование: с 1915 по 1917 гг. посещал занятия в Петроградском Историко-архивном институте, а с 1916 по 1918 гг. в качестве вольнослушателя прошёл курс обучения на историко-филологическом факультете Петроградского университета [1, с. 8].

Таким образом, получив прекрасное образование, имея явную склонность к научной деятельности, А.И. Иванов рано сформировался именно как византист, притом его больше интересовало не само богословие как таковое, а именно история византийской церкви.

Казалось бы, всё складывалось в высшей степени благополучно для молодого исследователя. Но дальше исторические судьбы страны весьма негативно отразились на личной и научной судьбе учёного. Защита подготовленной магистерской диссертации «Патриарх Константинопольский Кирилл Лукарис и его время» так и не состоялась из-за закрытия Петроградской Духовной академии, а сам текст её был утерян научным руководителем магистра И.И. Соколовым во время его поездки на Юг.

Чтобы иметь средства к существованию, ещё с 1915 г. Алексей Иванович преподавал в гимназиях, а затем школах Петрограда. После октября

1917 г. перспективный молодой учёный оказался востребованным. Ни церковная история, ни даже история Византии новую власть совершенно не интересовала.

Глава II «На родной Владимирщине (1921–1932)» [1, с. 9–35]. В 1921 году А. И. Иванов переехал во Владимир, к сожалению, автор не раскрыл причины и обстоятельства этого переезда. Видимо, понимая, что заниматься любимым делом, историей византийской церкви стало невозможно, Алексей Иванович решил переориентироваться на краеведение, поощрявшееся советской властью, а реально заняться им можно было только в родных и хорошо известных ему местах. Интерес к прошлому своего края у него имелся и прежде, но, очевидно, отказ от близкой его сердцу истории Византии дался ему не просто и болезненно. Мы полагаем, вероятно, это стало ещё одной причиной его неприятия октября 1917 г., которое он вплоть до 1942 г. никогда не афишировал.

Приступив к работе на должности инструктора по охране памятников и старины во Владимирском губернском отделе народного образования, добросовестный и знающий сотрудник быстро стал заведующим подотделом искусства, а затем – первым директором созданного при его активном участии Владимирского губернского музея [1, с. 9].

Но вскоре случилась первая неприятность: в 1925 г. в музее и картинной галерее при нём произошли крупные кражи экспонатов. Какова была степень вины в этом самого директора музея, насколько он был в состоянии обеспечить безопасность вверенных его попечению предметов искусства, в монографии, к сожалению, не раскрыто. Но оргвыводы последовали незамедлительно: «сначала ему объявили выговор, а затем в 1926 г. сняли с должности директора музея» [1, с. 10].

После этого до 1931 г. он занимал должность товарища (т. е. помощника – А. Б.) председателя Владимирского губернского научного общества по изучению родного края. Далее автор довольно подробно анализирует публикации А. И. Иванова по истории крестьянского движения и краеведению Владимирской губернии [1, с. 10–33]. Написаны они были «в духе времени», но, насыщенные фактическим материалом, информативной ценности не утратили и поныне. Отметим дополнительно, что во всех этих работах он показал хорошее знание археологии и методов археологического анализа. И присоединимся к сомнению С. С. Казарова в том, насколько в действительности герой его исследования был охвачен «революционными идеями» и вооружён марксистской идеологией [1, с. 14]. Представляется очевидным, что имеющиеся в статьях А. И. Иванова утверждения о «классовой солидарности» крестьян и их осознанном «выборе союза с рабочим классом» для борьбы с эксплуататорами [1, с. 13] были лишь вынужденной данью времени и не отражали его личные убеждения.

И в порядке уточнения добавим – удивившие автора книги слова из статьи А.И. Иванова, опубликованной в 1924 г. об «октябрьском перевороте» 1917 г. [1, с. 16] никоим образом не показывают антисоветские убеждения последнего. Дело в том, что вплоть до десятилетней годовщины октябрьских событий сами идеологи партии именovali их именно «октябрьским переворотом». Только с 1927 г. они стали «Великой Октябрьской социалистической революцией».

Вторая неприятность, постигшая А. И. Иванова на родной Владимирщине, оказалась намного серьёзнее первой и полностью исходящей из реалий того времени. В 1931 г. в сборнике под красноречивым названием «Против вредительства в краеведческой литературе» была опубликована разгромная рецензия на его совершенно нейтральную небольшую книгу о местной изразцовой промышленности [1, с. 32–34].

Учитывая развернувшуюся борьбу с «буржуазными элементами» и теорию «об обострении классовой борьбы по мере продвижения к социализму», озвученную И. Сталиным на объединенном пленуме ЦК и ЦКК 16 апреля 1929 г., практически сразу после публикации столь зловещей рецензии на его книжку А. И. Иванов был арестован. Ему предъявили список обвинений из 10 пунктов, самым абсурдным из которых было «активное участие в контрреволюционной группировке краеведов» [1, с. 34]. Подчеркнём ещё раз – учёный вёл себя предельно лояльно, публиковал только то, что «следовало линии партии», но это не спасло его от нелепых обвинений и ареста.

К счастью, в самом начале 1930-х гг. репрессии ещё не развернулись в полную силу и тогда наказания за подобные «преступления» были ещё сравнительно мягкими. В конечном счёте, Алексею Ивановичу зачли срок предварительного заключения с июля по ноябрь 1931 г. и отпустили на свободу. Что он пережил за эти пять месяцев следствия, можно лишь догадываться. «Но страх перед карательными органами советской власти, который с этого времени поселился в его душе, он сохранил на всю жизнь» [1, с. 35].

В своей автобиографии, хранящейся в АС-ПбДА, А. И. Иванов писал, что с 1921 по 1931 гг. работал доцентом во Владимирском пединституте и сельскохозяйственном учебном комбинате [1, с. 35], но, к сожалению, никакой информации об этом автору рецензируемой работы найти не удалось. Но отсюда следует, что наряду с исследовательской работой, у Алексея Ивановича был и серьёзный опыт преподавания, чем он занимался, начиная с 1915 г.

Однако родная Владимирщина оставила в памяти Алексея Ивановича не только плохое: здесь он женился. И этот брак оказался на редкость прочным и счастливым, здесь же родились две его дочери. Но после освобождения из-под ареста Ивановы

покинули Владимир навсегда [1, с. 35]. Понятно, что они не рискнули оставаться там, где глава семьи уже попал в поле зрения местных органов НКВД, вполне возможно, что этот отъезд спас его от повторного ареста здесь уже в 1935–1937 гг.

Глава III «А. И. Иванов в Ростове-на-Дону (1932–1943 гг.)» [1, с. 36–57]. Покинув Владимир, Алексей Иванович год отработал в Ярославском Пединституте, а в 1932 г. оказался в Ростове-на-Дону, на должности старшего научного сотрудника Северо-Кавказского Горского научно-исследовательского института краеведения.

Имеющийся опыт краеведческой работы позволил ему сразу же активно приступить к исследованиям местной тематики, разумеется, с классовых позиций и с цитатами из статей В. И. Ленина [1, с. 36]. Иначе в то время было просто невозможно. Понимая, что история византийской церкви остаётся для него недоступной, вынужденный приспосабливаться к существующим реалиям, он совершенно с нуля стал разрабатывать докторскую диссертацию на тему «Чечня и Дагестан в 60–70-х гг. XIX в.».

В 1935 г. Северо-Кавказский Горский НИИ был переведён в Пятигорск, а Алексей Иванович остался в Ростове-на-Дону, полностью сосредоточившись на работе в местном Пединституте. В 1937 г. ВАК по совокупности опубликованных работ присвоил ему учёную степень кандидата исторических наук. Добавим, что тогда это было довольно распространённой практикой.

Как преподаватель, он был высокопрофессионален, но требователен, по отзыву одного из его студентов – «сухарь, формалист, весьма до тошен» [1, с. 37]. Учитывая недостаток учебной литературы, А. И. Иванов в кратчайший срок подготовил и издал десять небольших книжечек по всеобщей истории, начиная от раннего Средневековья и до XVIII в. Разумеется, это требовало разносторонних знаний и глубокой общеисторической подготовки, но Алексей Иванович сумел так подать учебный материал, что эти брошюры долгие годы были востребованы несколькими поколениями студентов.

С осени 1939 г. при кафедре Всеобщей истории была открыта аспирантура, и вскоре у Алексея Ивановича было уже четыре аспиранта по истории средних веков. Продолжая подготовку докторской диссертации, он опубликовал несколько статей по истории Чечни и Дагестана, полных идеологических штампов, присущих тому времени, и многочисленных ссылок на классиков марксизма-ленинизма [1, с. 38]. Но по методам работы он оставался именно настоящим исследователем, широко используя архивные материалы, самостоятельно реконструируя сам ход событий, делая собственные выводы и широкие обобщения.

К 1941 г. докторская диссертация была написана, и предоставлена рецензентам, которые дали положительное заключение. Нет сомнений,

что она была бы успешно защищена. Но, как это ни странно, рукопись повторила судьбу так и не защищённой магистерской диссертации: начавшаяся Великая Отечественная война сначала задержала защиту, а потом сделала её вообще невозможной, так как её текст был безвозвратно утерян. Но главный трагизм всей жизненной ситуации, в которой оказался А. И. Иванов, заключался не только в этом.

Судя по всему, вынужденный постоянно приспособливаться к меняющейся ситуации, он насмотренно относился к советской власти [1, с. 50]. Добавим, постоянно ломая себя таким приспособлением, он и не мог испытывать ни малейших симпатий к ней. Очевидно, он не мог и не хотел жить так, и трудно согласиться с С. С. Казаровым, что у А. И. Иванова имелись какие-то сомнения по поводу перехода на сторону фашистских оккупантов [1, с. 50]. Скорее, вернее то, что сам же автор книги чётко сформулировал – «...приход немцев рассматривался им как освобождение от большевистской диктатуры» [1, с. 50].

В августе 1942 г. он не стал эвакуироваться из Ростова-на-Дону, и добровольно перешёл на службу к фашистам. Предательство всегда остаётся предательством, но, на наш взгляд, А. И. Иванов не только преступник, но и жертва. Здесь не только вина, но и беда этого человека. Достоинством книги является то, что, не впадая ни в обвинительный уклон, ни в апологетику, автор пытается объективно разобраться, что же толкнуло учёного на такой шаг.

И приходит к выводу, что главной причиной стал страх. Супруга А. И. Иванова Варвара Дмитриевна сама лично со страхом говорила матери К. М. Антич (урождённая Миллер), что Алексей Иванович «...попович, хоть бы до этого не докопались». Более того, его отец был репрессированным священником, что семья тщательно скрывала [1, с. 7, прим. 4]. Именно поэтому во всех автобиографиях А. И. Иванов писал, что родился в крестьянской семье [1, с. 7].

По свидетельству близких, все 1920–1930-е гг. он жил в атмосфере постоянного страха из-за своего происхождения, из-за ареста 1931 г., из-за той обстановки массовых репрессий, которая охватывала всю страну. Как глубоко религиозный человек, он не мог спокойно воспринимать антирелигиозную пропаганду новой власти. Кроме того, как примерный семьянин, он чувствовал себя ответственным не только за себя, но и за судьбу своей семьи. По нашему мнению, он просто устал бояться, он не был врагом России, но стал врагом большевиков, а вернее – его сделали таким. Это не оправдывает его поступок, но объясняет побудительные мотивы.

С августа 1942 по февраль 1943 г. он состоял сотрудником Отдела народного образования Ростова-на-Дону на оккупированной территории. Он

искренне поддерживал призыв генерала Власова об объединении всех народов России для борьбы с большевизмом [1, с. 56], был автором антисоветских статей, на разного рода совещаниях призывал к усилению борьбы против коммунистической власти [1, с. 55]. В феврале 1943 г. семья Ивановых покинула город вместе с отступающими немецкими войсками. В конечном счёте, они оказались в Чехословакии, где 24 сентября 1945 г. А. И. Иванов был арестован органами СМЕРШ и этапирован в следственный изолятор МВД по Ростовской области.

В том же году он был приговорён к 15 годам тюремного заключения. Остаётся полной загадкой, почему срок заключения ему был сокращён до пяти лет, а затем, после отбытия наказания, он и вовсе был амнистирован. Версия С. С. Казарова, что этому способствовали усилия Варвары Дмитриевны Ивановой, делавшей всё возможное и невозможное для облегчения участи мужа [1, с. 57] нам представляется недостаточно убедительной. Скорее, ему помогли высшие иерархи РПЦ, с которыми он обучался в Петроградской Духовной академии, что упоминает и сам автор книги [1, с. 59].

Так коренным образом изменилась судьба профессора А. И. Иванова, «он потерял работу, навсегда был утрачен уже готовый к защите текст его докторской диссертации, на пять лет лишился свободы и был выключен из нормальной человеческой жизни» [1, с. 57].

Глава IV «Под покровительством РПЦ. Завершающий период преподавательской и научной деятельности» [1, с. 58–87]. После освобождения и амнистии А. И. Иванов до 1952 г. работал библиотекарем Патриаршей библиотеки Московской Духовной академии в Загорске. В 1950 г. стал доцентом по кафедре византологии и греческого языка Московской Духовной академии. Там же в 1956 г. он защитил магистерскую диссертацию на тему «Критические издания Греческого Нового Завета и общепринятый Православной церковью текст», после чего был утверждён Святейшим Патриархом в учёной степени магистра богословия и звания профессора. И в том же году он стал профессором кафедры Византологии Ленинградской Духовной академии [1, с. 61].

Опять отметим, что столь успешное продвижение по службе было бы невозможным без покровительства высших лиц церковной иерархии, в том числе и самого Святейшего Патриарха Алексия.

Солидная педагогическая нагрузка сочеталась со значительной общественной и воспитательной работой. Учитывая высокий научный авторитет Алексея Ивановича и его опыт преподавательской и руководящей работы, он выполнял отдельные важные поручения, например, был командирован в Одессу для проверки постановки учебного дела в Одесской Духовной семинарии [1, с. 62].

В 1960 г. он успешно защитил докторскую диссертацию на тему «История византийской церкви» и был утверждён в учёной степени доктора Церковной истории. Автор книги, что представляет для нас особый интерес, представил развёрнутый анализ основных положений диссертации [1, с. 66–75]. К сожалению, по независящим от него причинам, С. С. Казаров не смог ознакомиться со вторым томом диссертации, и этот том до сих пор ждёт научного анализа и комментирования.

В Предисловии своего труда А. И. Иванов дал подробный обзор историографии своей темы, притом не только российской, но и зарубежной. Далее последовательно прослеживается состояние Восточной церкви от первых христианских императоров до эпохи Юстиниана. Важно отметить, что кроме того здесь присутствует нестандартный подход Алексея Ивановича, рассматривающего такие аспекты византийской культуры IV–VI веков, как искусство, памятники архитектуры и мозаики, наука и литература, богословие, история, космография, поэзия, сборники – обычно лишь кратко затрагиваемые в работах по истории византийской церкви.

Глубоко освещены вопросы кризиса империи в VI–VII вв., по мнению А. И. Иванова вторжения и переселения славян сыграли важную роль в «обновлении дряхлеющего организма империи» [1, с. 67], уделено внимание такому сложному аспекту, как взаимоотношения Константинопольского патриархата с Римом.

Подробно рассмотрены иконоборчество и павликианство, а также другие ереси, включая их зарождение, идеологию и последующие судьбы.

Анализируется духовная культура VII–IX веков, образование, литература и искусство, а также личности представителей богословской науки и историков. Алексей Иванович утверждает, что духовная и культурная связь Руси с Византией была крепче, чем обычно принято считать [1, с. 68], а ослабление внимания к уже погибшей Византийской империи наступило лишь в эпоху Петра I, начавшего решительное сближение с Западной Европой.

Привлекательна общая методологическая установка диссертации: церковную историю нельзя изучать в отрыве от гражданской [1, с. 69]. Поэтому мы полагаем, что эта работа остаётся важной не только для истории церкви, но и византинистов вообще. Широта взглядов А. И. Иванова проявляется и в том, что он уверен: история византийской церкви не должна рассматриваться оторвано от других христианских церквей, особенно Западной Римской и славянских церквей во всём их своеобразии.

Автор диссертации настаивает на том, что история должна заниматься изучением жизни народа, а не отдельных только личностей, и призывает дать целостную картину церковной и культурной жизни всего византийского общества.

Довольно жёсткую позицию он занимает по отношению к отрицательной, неизменно агрессивной политике папства к Православному Востоку, особенно после разделения церквей [1, с. 70]. И, напротив, отмечает благотворную роль, которую сыграло в судьбе Византии и Греческой церкви славянство вообще и в частности, особенно Православная Русь. На наш взгляд, всё же это является некоторой идеализацией далеко не всегда простых взаимоотношений Руси с Византией.

Отдельно рассматривается дискуссионный вопрос о причинах живучести Восточной Римской империи. Выводы автора заслуживают внимания, он полагает, что входившие в состав империи восточные страны, бывшие эллинистические монархии, отличались более мощными экономическими ресурсами, чем Запад. Здесь сохранились крупные развитые города, и существовали давние традиции сильной императорской власти [1, с. 71].

Далее следует рассмотрение взаимоотношений церкви и государства и борьбы с ересями. Интересен вывод о том, что противостояние церкви лжеучениям имело позитивный характер, поскольку потребовало усиленной работы богословской мысли. Перед церковью не только стояла задача опровергнуть еретические учения, но и дать точное определение тем истинам христианской веры, которые подверглись искажениям. Всё это делалось не усилиями отдельных лиц, а коллективной деятельностью христианской церкви, выражением которой стали вселенские соборы [1, с. 71].

Прослежен долгий и сложный процесс перехода от античной светской философии к православному богословию [1, с. 72]. Подчёркивается богатство и разнообразие тем литературы V–VI вв., ставших, по мнению автора, временем высокого подъёма церковного научного и литературного творчества [1, с. 73].

Первый том диссертации содержит много интересных и оригинальных выводов Алексея Ивановича об истории не только византийской церкви, но и государства, общества, культуры Византии от Константина Великого до отпадения Западной Церкви от Вселенской.

Даже этот, слишком краткий обзор некоторых положений работы показывает, насколько основательно и комплексно А. И. Иванов подошёл к раскрытию темы своей диссертации.

Практически сразу же после защиты диссертации благополучная и устоявшаяся жизнь А. И. Иванова опять подвергается очередным резким изменениям, и опять – по причине изменившейся политической ситуации в стране. С конца 1950-х – начала 1960-х гг. начинается новый период наступления Советского государства на религию и церковь. Религия вновь стала «опиумом для народа», а церковь – помехой на пути строительства коммунизма. Началась борьба за

умы и души советских людей [1, с. 76], становящихся всё более и более религиозными, чего партия не могла допустить.

С. С. Казаров подробно описывает механику очередной антирелигиозной кампании, начавшейся, как всегда, с возмущённых писем в прессу «трудящихся», озабоченных «засильем церкви». Последовали гневные статьи о том же в центральных газетах [1, с. 76–78]. Необходимо было ударить и по преподавательскому составу Духовных Академий, и тут вследствие недавней судимости самым слабым звеном и оказался Алексей Иванович. Припомнили службу у фашистов, упрекнули в религиозной пропаганде... И даже обвинили 70-летнего профессора в блуде и аморальных поступках, что вызвало возмущение всех, кто близко знал этого примерного семьянина из старой патриархальной семьи, более полувека прожившего душа в душу с единственной за всю его жизнь супругой.

Не желая компрометировать своим присутствием Духовную Академию, Алексей Иванович уходит на пенсию. Но это не означало его ухода из науки и прерывания контактов с самим учебным заведением. А руководство Академии, несмотря на усиливавшееся давление со стороны властей, даже сохранило за ним две маленькие комнатки, в которых он проживал ранее [1, с. 79].

В этот период им были написаны две апологетические брошюры о религиозной политике Советского государства, одна из них – в соавторстве. Совершенно очевидно, что сделано это было по прямому приказу «сверху», нужно было грамотно в расчёте на широкую аудиторию верующих изложить основы законодательства в отношении религии и церкви, в обмен А. И. Иванов получал «забвение» его прошлого [1, с. 84]. Поняли это и его коллеги, не изменившие своего отношения к профессору.

Последним научным трудом Алексея Ивановича стала очень основательная монография о литературном наследии Максима Грека, изданная в 1969 г., но несколько не утратившая своего научного значения. Всего рассмотрено 365 произведений Максима Грека, 164 из которых являются неизданными [1, с. 84–86].

В последние годы жизни А. И. Иванов работал над статьёй о Дионисии Ареопагите, но ослабленное здоровье не позволило её закончить. За два года до смерти он практически полностью утратил зрение, страшным ударом для него стала смерть супруги в 1975 году, и сам он ушёл из жизни 4 октября 1976 г.

В ЗаклЮчении [1, с. 88–90] автор книги пишет, что главной целью своей работы считал показать, насколько сложной была эпоха, в которую жил А. И. Иванов, и стремление понять этого человека, уяснить мотивы его поступков и поведения. На наш взгляд, С. С. Казаров с этой задачей успешно справился.

На с. 91–94 содержится список публикаций о профессоре Иванове (7 номеров) и 33 номера опубликованных работ самого Алексея Ивановича.

На с. 95 помещены две фотографии: А. И. Иванов с участниками археологической экспедиции 1939 года, и – автор книги С. С. Казаров со своей супругой Н. А. Казаровой в гостях у К. М. Антич, которая смогла рассказать много малоизвестного о персонаже этой книги (Мюнхен, август 2011 года).

Книга хорошо издана, на обложке – фотография А. И. Иванова, видимо, переснятая из его личного дела.

Алексей Иванович Иванов всю свою жизнь в душе оставался именно византинистом. Учитывая все сложные перипетии его нелёгкой судьбы, плодотворно византийскими сюжетами он смог заняться только после 1950 г. Но при этом труды его практически забыты современными исследователями. И потому, что, казалось бы, они рассматривают историю только церкви – хотя на самом деле это не так, и по той причине, что он был осуждён за коллаборационизм.

В личном письме автору рецензии С. С. Казаров с горечью написал, что, судя по внешнему виду диссертации А. И. Иванова, хранящейся в библиотеке Санкт-Петербургской Духовной Академии, отпечатанной на машинке на пожелтевших листах бумаги, с вписанными от руки иностранными словами – она редко попадает в руки учёных.

Но – «Воссоздать образ человека и историка – значит вернуть из небытия и его труды, которые сегодня оказались практически забыты» [1, с. 88].

К положительным качествам монографии С. С. Казарова следует отнести её чёткую структуру, практически исчерпывающий охват источников, стремление тесно увязать жизнь его героя с реалиями той эпохи, понять побудительные мотивы всех поступков А. И. Иванова, строго объективное отношение к самим этим поступкам. Вместе с тем, можно высказать и некоторые критические замечания. На наш взгляд, недостаточно внимания уделено воссозданию именно психологического портрета учёного. В биографии Алексея Ивановича имеются лакуны, связанные с его работой во Владимирском и Ярославском педагогических институтах. Остаётся непонятной степень его личной вины в хищении некоторых экспонатов из вверенного его попечению Владимирского губернского музея. Была ли им, как директором музея, в должной степени обеспечена их сохранность, или же у него просто не было такой возможности. Впрочем, эти вопросы во многом объясняются состоянием источников.

В целом же, рецензируемая книга не только глубоко анализирует жизненный путь А. И. Иванова и его труды, но и раскрывает тему «судьба человека на фоне его эпохи», что придаёт ей дополнительный интерес.

К сожалению, небольшой тираж книги делает её малодоступной читателю, по этой причине мы постарались более подробно изложить её содержание.

Литература

1. Казаров С. С. Профессор Ростовского Педагогического института Алексей Иванович Иванов: жизнь и творчество. Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2019. 96 с.

References

1. Kazarov S. S. Professor Rostovskogo Pedagogicheskogo instituta Aleksey Ivanovich Ivanov: zhizn i tvorchestvo (Professor of the Rostov Pedagogical Institute Alexey Ivanovich Ivanov: life and work). Rostov-on-Don; Taganrog: SFU publ, 2019. 96 p. (In Russian).

Сведения об авторе

Беликов Александр Павлович – доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / abelikov@rambler.ru

Information about the author

Belikov Alexander – Doctor of Historical Sciences, Professor, Chair of Foreign History, Political Science and International Relations, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / abelikov@rambler.ru